Л. Д. Александровъ.

Лѣтнія удовольствія вологжанъ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О 70—80 ГОДАХЪ).

Прежде чѣмъ говорить о лѣтнихъ развлеченіяхъ вологжанъ, я познакомлю читателя въ краткихъ чертахъ съ физіономіей самаго города, не касаясь его историческаго прошлаго. Слѣдуетъ замѣтить, что съ внѣшней стороны городъ Вологда ужасно консервативенъ; странствуя по немъ цѣлые дни въ концѣ 1906 г., я нашелъ здѣсь все по-старому, какъ было и 30 лѣтъ тому назадъ: уцѣлѣла неприкосновенно не только масса домовъ, свидѣтелей моего ранняго дѣтства, но даже окраска ихъ, вывѣски и надписи; только жалкіе фонари замѣнились висячими электрическими, да появилась масса телефонныхъ, телеграфныхъ и иныхъ столбовъ, въ которыхъ нынѣ можно заблудиться; богатая зелень сильно разрослась, превративъ много улицъ въ чудныя, тѣнистыя алеи, каковы, напр., Козлена, Калачная и др. Вологда построена на болотахъ, притомъ довольно топкихъ, вслѣдствіе чего влаги здѣсь всегда избытокъ: послѣ дождей всюду пестрятъ огромныя лужи,—на площадяхъ, возлѣ домовъ, въ садахъ и огородахъ,—на коихъ полощатся обывательскія утки. Мѣстами верхній тонкій слой почвы, искусственно укрѣпленный, лежитъ на массѣ жидкой грязи и при ходьбѣ по немъ колышется. Иногда онъ трескается или проламывается, и грязь изливается наружу. Такія зыбучія мѣста встрѣчались здѣсь не только по окраинамъ города, но даже и въ центрѣ его.

Въ планѣ городъ имѣетъ фигуру неправильнаго шестиугольника съ хвостомъ, причемъ р. Вологда, извиваясь съ сѣв.-зап. на юго-вост., дѣлитъ его на двѣ неравныя части, большую—на правой по теченію сторонѣ, и меньшую—на лѣвой; обѣ части сообщались двумя деревянными мостами, въ верстѣ одинъ отъ другого (Красный и Соборный). Впослѣдствіи Соборный мостъ былъ замѣненъ пловучимъ, который служилъ прекраснымъ дополненіемъ къ нашимъ путямъ сообщеній и, какъ образецъ строительнаго искусства конца XIX вѣка, попалъ... въ „Стрекозу“. Большая часть города въ свою очередь дѣлится мутной и во-

ючей рѣчонкой Золотухой тоже на двѣ части. Дома въ городѣ, въ общей массѣ, преобладали деревянные, небольшіе, въ одинъ и два этажа, съ балконами и верандами. Каменныхъ было десятка три—четыре и всѣ они въ большинствѣ случаевъ были заняты или присутственными мѣстами, или же учебными и городскими учрежденіями, частныхъ—весьма мало.

Что невольно бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на городъ, такъ это обиліе церквей и деревьевъ, благодаря чему онъ издали казался огромнымъ монастыремъ, особенно лѣтомъ, когда дома утопаютъ въ густой зелени березъ, тополей, липъ и ольхъ, растущихъ въ городскихъ огородахъ, палисадникахъ и садахъ, а надъ зеленью высятся бѣлыя церкви, сіяя крестами и куполами. По множеству церквей Вологдѣ смѣло можно противопоставить Москву. Помимо обилія зелени, Вологда славится и по-нынѣ еще чуднымъ, тѣнистымъ бульваромъ, который тянется въ общей сложности около трехъ верстъ и въ лѣтнее время всегда полонъ публики.

Улицы города, довольно прямыя, были плохо вымощены булыжникомъ, но далеко не всѣ, причемъ содержались очень небрежно. Отсутствіе хорошихъ сточныхъ канавъ дѣлало то, что въ дожди грязь заливала сплошь улицы и обращала ихъ въ болота, а въ жаркую погоду грязь обращалась въ пыль и при сильныхъ вѣтрахъ носилась по городу и обволакивала его своеобразнымъ тумапомъ. Большинство городскихъ площадей вовсе не были вымощены и весной и осенью превращались въ топкія болота, крайне неудобныя для всякаго рода передвиженій. Въ этомъ отношеніи классической грязью отличалась (да и по сіе время отличается) Казанская площадь, гдѣ находился зеленной рынокъ; тутъ вполнѣ можно было брать грязевыя ванны. Лѣтомъ же эти площади покрывались травой, на которой съ флегматичнымъ видомъ паслись обывательскія коровы, а ребятишки играли въ бабки, свайку и городки. Характерной чертой Вологды являлись узкіе деревянные мостки, взамѣнъ панелей, сохранившіеся въ полной неприкосновенности и по нынѣ. Ширина мостковъ была такова, что двое встрѣчныхъ пѣшеходовъ съ трудомъ могли разойтись; кромѣ того, уровень мостковъ противъ каждаго дома былъ разный, вслѣдствіе чего ходьба по нимъ ночью требовала особаго навыка, во избѣжаніе паденія или вывиха ноги, въ особенности, если принять во вниманіе проломы и провалы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу. Такъ какъ подпочвенной воды здѣсь всегда наблюдался избытокъ, то всѣ канавы,—непремѣнная принадлежность каждаго дома,—всегда были полны грязной воды, которая въ жары зацвѣтала, гнила и издавала своеобразный ароматъ. Въ такомъ же состояніи находились и всѣ пруды. Впрочемъ, при отсутствіи у обывателей въ то время какихъ бы то ни было понятій о гигіенѣ, санитарное состояніе города было ужасно и оставляло желать очень многаго.

По мизерности домовъ, окраины Вологды скорѣе напоминали какой-нибудь посадъ или большое село, но никакъ не гу-

бернскій городъ, гдѣ сосредоточены были различныя правительственныя учрежденія. Патріархальность сказывалась не только въ наружности города, но и въ названіяхъ нѣкоторыхъ пунктовъ и улицъ его, которые указывали на топографическія особенности ихъ, какъ, напр., Никола на глинкахъ, Леонтьевскій ручей, Спасъ на болотѣ, Подлѣсная, Владычная слобода, Ѣхаловы кузнецы и т. п.

Наружности города вполнѣ соотвѣтствовала и жизнь его обывателей. Строго говоря, общественной жизни и общихъ интересовъ у жителей Вологды и въ поминѣ не было; всѣ сидѣли по своимъ угламъ, и всѣ интересы каждаго заключались, главнымъ образомъ, въ изысканіи способовъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей; жили по поговоркѣ: „день прошелъ, и слава Богу!“ Если же обывателямъ иногда и приходила фантазія выбраться изъ своего угла, то они группировались въ небольшіе кружки, чуждавшіеся и злословившіе другъ друга. Скука, сплетни и нелѣпые слухи царили невозбранно во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества. Не смотря однакоже на это, вологжане изстари отличались рѣдкимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ, хотя эти прекрасныя качества и сводились преимущественно къ чае—и—виношитію и истребленію съѣстного въ гомерическихъ размѣрахъ.

Какія-же, спрашивается, удовольствія и развлеченія были лѣтомъ въ распоряженіи вологжанъ? Еще зимою давались спектакли въ плохонькомъ театрѣ, изрѣдка устраивались балы въ дворянскомъ и чиновничьемъ клубахъ, всегда шумно и весело проводились святки, о чемъ я говорилъ въ предыдущемъ очеркѣ, но лѣтомъ наступало полное затишье, хотя мѣстные обыватели, народъ крайне добродушный и скромный въ своихъ требованіяхъ, довольствуясь малымъ, и старались, по мѣрѣ силъ и возможности, развлекаться всѣмъ, что имѣлось подъ руками. Слѣдуетъ замѣтить, что вологжане любили пользоваться свѣжимъ воздухомъ и лѣтомъ не упускали случая насладиться скудными дарами нашей сѣверной природы, тѣмъ болѣе, что о дачной жизни тогда и понятія не имѣли.

Коснувшись лѣтнихъ удовольствій, сначала я опишу тѣ, которыя не выходили за предѣлы города.

Универсальнымъ занятіемъ лѣтомъ являлось гулянье на бульварѣ, куда ежедневно стекалась со всего города публика со всѣми чадами и домочадцами и здѣсь взадъ и впередъ апатично бродила, бесѣдуя о своихъ дѣлишкахъ и отчаянно судача.

Иногда на бульварѣ игралъ гарнизонный оркестръ, который услаждалъ нетребовательный вкусъ публики разными маршами. Бывали и представленія—какихъ-нибудь заѣзжихъ акробатовъ. Бульваръ и Соборная горка служили не только для отдохновенія публики, но и мѣстомъ объединенія молодежи обоего пола, которая знакомилась тутъ между собой.

Кромѣ бульвара, народнымъ развлеченіемъ служилъ т. н. Самаринскій садъ, расположенный на окраинѣ города близъ вокзала, гдѣ давались кое-какія представленія,—и самый вокзалъ,

куда ежедневно также стекалась публика по вечерамъ встрѣчать приходившіе поѣзда.

Вологжане лѣтомъ любили проводить время на лонѣ природы, осуществляя свои стремленія въ формѣ различныхъ загородныхъ прогулокъ пѣшкомъ и на лодкахъ въ подгородніе села: Ковырино, Прилуки, Турундаево.

Для загородныхъ прогулокъ вологжане группировались въ компаніи и при этомъ, куда бы ни отправлялись, постоянно запасались солиднымъ количествомъ разныхъ закусокъ, а также и выпивкой, кои и истребляли на мѣстахъ гуляній, гдѣнибудь на лонѣ природы, подъ развѣсистыми елями и березами, возлѣ самовара. Изъ подгородныхъ мѣстъ въ описываемое время наибольшей симпатіей вологжанъ пользовалось село Ковырино, принадлежавшее богатому помѣщику А. П. Набалову и славившееся своей чудной березовой аллеей, тянувшейся среди хлѣбныхъ полей версты на $1^1/_2$, почти отъ города, и огромнымъ садомъ. Въ послѣднемъ, до сыта нагулявшись, всегда можно было найти за 20—30 коп. объемистый самоваръ. Дорогой любители собирали въ аллеѣ грибы и ягоды. Прогулки въ Ковырино, также, какъ и въ другія мѣста, всегда завершались традиціоннымъ усиленнымъ чаепитіемъ и закуской, послѣ чего шло возвращеніе въ городъ.

Путешествіе въ Прилуки (Спасо-Прилуцкій монастырь, гдѣ находится могила поэта К. Н. Батюшкова) и Турундаево предпринимались большею частію на лодкахъ. Послѣднія доставались всегда у Краснаго моста, у нѣкоего Сотникова, гдѣ всегда можно было найти три-четыре десятка, всякихъ размѣровъ, фасона и окраски, отдаваемыхъ на прокатъ всего за одинъ сребренникъ въ сутки. Обиліе лодокъ у моста объяснялось тѣмъ, что вологжане любили развлекать себя катаньемъ на лодкахъ. Тутъ также собирались компаніи въ 10—15 душъ обоего пола, прихватывалась кѣмъ-нибудь изъ молодежи гармоника, подъ незатѣйливый аккомпаниментъ которой всѣ любили спѣть что-нибудь изъ русскихъ пѣсенъ. До этихъ веселыхъ поѣздокъ былъ особенно падокъ мелкій чиновный людъ, весьма обильный въ Вологдѣ. Иногда во время этихъ поѣздокъ выходило не мало курьезовъ и недоразумѣній, въ родѣ *поправки* причесокъ своимъ женамъ подгулявшими главами семействъ или принудительной высадки всего экипажа на необитаемый правый берегъ (недоѣзжая Прилукъ) какимъ-нибудь намокшимъ забіякой, попавшимъ въ компанію.

Первая самая оживленная поѣздка въ Прилуки всегда предпринималась 3 іюня (день Димитрія Прилуцкаго), когда въ монастырѣ былъ праздникъ и совершался изъ города крестный ходъ. Въ этотъ день монастырь и прилежащія къ нему селенія Прилуки и Коровничье буквально захлебывались отъ наплыва горожанъ, коимъ нерѣдко не хватало даже мѣстъ для чаепитія, а рѣка отъ города и до монастыря день и ночь пестрѣла множествомъ лодокъ съ разряженной публикой.

При поѣздкахъ въ Турундаево (внизъ по теченію) привалы

дѣлались наичаще въ усадебномъ саду Сорокина, куда былъ свободенъ доступъ для горожанъ, рѣже—въ крестьянскихъ избахъ. Если въ компаніи преобладала молодежь, то иногда останавливались гдѣ придется, въ любомъ пунктѣ берега, и здѣсь, прямо на травѣ, подъ открытымъ небомъ, происходили подъ пѣсни или гармонику оживленные танцы и разныя игры.

Въ этихъ поѣздкахъ на лодкахъ было много своеобразн прелести, даже поэзіи, въ особенности въ первую половину лѣта въ періодъ дивныхъ бѣлыхъ ночей, когда, какъ говорится, зар съ зарей сходится и ночь короче воробьинаго носа.

Даже кладбища (въ особенности Введенское и Богородицкое) въ хорошую лѣтнюю погоду привлекали къ себѣ много публики, главнымъ образомъ по праздникамъ, которая гуляла здѣсь между могилами, читая отъ нечего дѣлать надгробныя надписи и эпитафіи, нерѣдко въ стихотворной формѣ.

Кромѣ описанныхъ мною удовольствій, носившихъ нѣкоторый оттѣнокъ общественности, существовали развлеченія и занятія исключительно мужс ія, какъ, напр., охота и рыбная ловля, насчитывавшія сотни любителей и заядлыхъ поклонниковъ среди вологжанъ. Оба эти занятія въ описываемое время процвѣтали, ибо дич и рыбы подъ Вологдой водилась масса, и успѣхъ былъ всегда обезпеченъ.

Этимъ я и закончу мое повѣствованіе. Хотя всѣ лѣтнія удовольствія были чрезвычайно просты, незатѣйливы и, пожалуй, безсодержательны, но зато онѣ были чужды натянутости, искусственности и скуки.

Л. Александровъ.